

УДК 343.139.1

Д.А. Мезинов

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ АКТИВНОСТИ СУДА В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На основании анализа норм УПК РФ делается вывод о том, что состязательные положения, особенно регламентирующие судебное следствие, обеспечивают каждому из заинтересованных в исходе уголовного дела участников процесса реальные возможности выражать и отстаивать свои интересы путем заявления и обоснования соответствующих позиций по уголовному делу. Тем самым для участников процесса, выступающих в качестве сторон обвинения и защиты, создается серьезный стимул к активному собиранию и представлению доказательств в обоснование своих позиций. Обеспечивается и следующая уже после проявления своей активности сторонами субсидиарная активность суда в исследовании обстоятельств уголовного дела, включая позволение ему в определенных пределах инициативно собирать доказательства.

Ключевые слова: *УПК РФ, состязательность, судебное следствие, активность суда.*

В последовательной реализации принципа состязательности заключается главное и существенное отличие процессуального порядка судебного следствия по ныне действующему Уголовно-процессуальному кодексу РФ 2001 г. [1] от порядка судебного разбирательства, предусматривавшегося в ранее действовавшем Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г. [2]. В связи с этим, в отечественной юридической литературе высказан широкий спектр мнений по вопросу о допустимости активности суда в закрепленных современным уголовно-процессуальным законом состязательных условиях судебного следствия.

К одному полюсу мнений примыкают позиции авторов, согласно которым почти тотально пассивный при исследовании доказательств суд есть обязательный атрибут состязательного процесса [3, с. 167–179; 4, с. 98–102; 5, с. 5–8; 6, с. 2–4]. Позиции данных авторов, по сути, соответствуют концепции так называемой «чистой состязательности», в качестве примера практической реализации которой выступает классическая состязательность уголовного процесса англосаксонского типа. Суд при таком понимании состязательности проявляет активность в предотвращении и пресечении нарушений процессуального порядка исследования доказательств состязавшимися сторонами, а также в оказании помощи сторонам в собирании доказательств, удовлетворяя их соответствующие ходатайства (об истребовании документов и т.п.). Активность же суда при исследовании доказательств непосредственно в ходе основных судебно-следственных действий (прежде всего, допросов), как исключение из общего правила, допускается лишь после исчерпания активности сторон, но и в этом случае не приветствуется. Суд разрешает дело только на основании собранных сторонами доказательств и в зависимости от того, как они представят и исследуют свои доказательства в судебном следствии в присутствии пассивно наблюдающего за этим суда.

Авторы, отстаивающие такие крайние позиции, однозначно отвергают постановку перед судом цели

установления объективной истины по уголовному делу. В обоснование приводятся суждения о том, что такая цель является атрибутом «розыскного, с репрессивной направленностью, типа уголовного процесса», в котором ставится задача достижения этой цели «любыми средствами», включая возможность нарушения уголовно-процессуальной формы, в том числе прав участников процесса [5, с. 5], а стремление к этой цели суда приравнивает его к субъектам уголовного преследования [4, с. 101; 7, с. 96; 8, с. 18]. Обычно критике с их стороны подвергается и положение ст. 20 ранее действовавшего Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. (далее – УПК РСФСР), как подразумевающее обязанность суда действовать активно в достижении объективной истины [4, с. 99; 5, с. 5].

Обращаясь к критическому осмыслению указанных мнений, следует отметить, прежде всего, что ст. 20 УПК РСФСР, прямо и буквально не обязывая суд устанавливать объективную истину, предусматривала его обязанность «принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела». Думается, такая обязанность была, остается и должна быть у суда в любом типе процесса и должна неотъемлемо включаться в содержание функции разрешения уголовного дела, возлагаемой на суд в состязательном процессе. Непризнание же за судом этой обязанности означает, что суд вправе исследовать обстоятельства дела «неполно», «необъективно», «не всесторонне», т.е. частично, субъективно (пристрастно), односторонне (в пользу одной из сторон).

Полагаю также нормальным и адекватным как интересам общества и государства, так и правам и интересам личности и стремление суда к установлению объективной истины по уголовному делу, соответствующее естественному желанию выяснить «как все происходило на самом деле, в действительности». Разумеется, не «любыми средствами» следует реализовывать это стремление, но такой подход при его реализации не позволяет положения

ми современного отечественного законодательства. Не позволялось это и положениями ранее действовавшего законодательства, пусть даже закрепляющего в основном розыскные начала процесса, во всяком случае, при буквальном и, думается, правильном толковании этих положений, в том числе ст. 20 УПК РСФСР.

При этом суд должен стремиться установить истину не только «для себя», но и «для других людей», т.е. доказать обществу («во вне») истинность своих выводов об устанавливаемых фактах. Его выводы и для себя, и для общества («во вне») должны быть основаны на надлежащих уголовно-процессуальных доказательствах. Эти выводы суда должны быть доказанными, достоверными («достойными веры») в соответствии со сложившимся в обществе в конкретную историческую эпоху пониманием относительно того, какие знания в определенных ситуациях, при определенной доказательственной базе следует считать достоверными и соответственно признавать «объективно» истинными. Такой достоверности выводов суда должно соответствовать его внутреннее убеждение (при отсутствии неустранимых разумных сомнений) в реальном существовании устанавливаемых им фактов [9, с. 18–20; 10, с. 29–32]. Следует отметить, что точных критериев определения соответствия достоверных выводов суда о фактах объективной истине, т.е. критериев, позволяющих однозначно свидетельствовать о достижении объективной истины судом в уголовном процессе, не существует [11, с. 84–91].

В период действия УПК РСФСР необходимым условием признания выводов суда об обстоятельствах дела объективной истиной понималось исполнение обязанности суда всестороннее, полно и объективно эти обстоятельства исследовать. Действительно, именно такое по качеству исследование создает максимальные возможности достижения такой истины, во всяком случае, предельно приближает к этому, позволяя считать выводы суда об обстоятельствах дела достоверными (в изложенном выше понимании).

В современном отечественном уголовном процессе судом также должны и могут в большинстве случаев осуществляться всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела и достигаться достоверные (в изложенном выше понимании) выводы об этих обстоятельствах. Исключение составляют случаи, когда решение по делу может быть обусловлено прямо предусмотренным законом, например гл. 40 и 40.1, ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), соглашением сторон, т.е. основано на так называемой конвенциональной [3, с. 21–22] истине.

В опровержение приведенных позиций о необходимости обеспечения почти тотальной пассивности суда при исследовании доказательств также достаточно аргументированным следует признать вывод о том, что связанность суда лишь доводами сто-

рон посягает на его независимость, ограничивает свободу оценки доказательств по внутреннему убеждению [12, с. 26–28]. Вообще же суд в уголовном процессе, где решаются судьбы людей и отстаиваются важнейшие государственные и общественные интересы, вряд ли будет правильным приравнять к арбитру в спортивной игре (как, по сути, это понимается в концепции «чистой состязательности»), безразличному к исходу этой игры.

К противоположному полюсу мнений примыкают позиции авторов, выступающих за необходимость активного участия суда в исследовании обстоятельств дела [13, с. 67–74; 14, с. 23–30; 15, с. 52–53; 16, с. 36–39]. Данные авторы выступают за безусловное признание установления объективной истины в качестве цели уголовного процесса и, рассматривая суд в качестве субъекта, у которого достижение этой цели является основной обязанностью, считают всякие ограничения активности суда в исследовании обстоятельств дела препятствием на пути отыскания такой истины. Как правило, этими авторами в качестве такого ограничения рассматривается и критикуется принцип состязательности, во всяком случае, в той его форме, в которой он реализован в действующем УПК РФ [13, с. 69; 14, с. 24–30; 15, с. 52; 16, с. 36–39].

В отношении этих крайних позиций также считают возможным изложить ряд критических суждений. Положительное значение реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве, в том числе в той форме, в которой он представлен в действующем УПК РФ, особенно соответствующих этому принципу норм, закрепляющих порядок судебного следствия, заключается, в первую очередь, в следующем. Во-первых, каждому из заинтересованных в исходе дела участников процесса, выступающих в качестве сторон обвинения и защиты, обеспечиваются реальные возможности выражать и отстаивать свои интересы путем заявления и обоснования соответствующих позиций как по делу в целом, так и по его отдельным обстоятельствам, опровержения противоречащих им позиций других участников. Во-вторых, создается дополнительное познавательное средство (метод, прием, способ) достижения объективной истины по делу или достоверных выводов суда об обстоятельствах этого дела, что, как отмечалось выше, более точно. Возможность рассмотрения состязательности в качестве средства (метода, приема, способа) достижения объективной истины и до, и после вступления в силу УПК РФ отмечалась исследователями [17, с. 10; 18, с. 47–48; 19, с. 144; 20, с. 184; 21, с. 10].

Обеспечивается отмеченный положительный эффект принципа состязательности тем, что появляется серьезный стимул для участников процесса, выступающих в качестве сторон обвинения и защиты, к активному собиранию и представлению доказательств в обоснование своих позиций. Вследствие этого создаются возможности освобождения суда от несвойст-

венной и опасной для него, в связи с причинами организационного и психологического характера, деятельности. В первую очередь, от деятельности по первичному собиранию доказательств о новых обстоятельствах (а не с целью проверки уже собранных доказательств), особенно вне судебного заседания, поскольку суд по исходной природе своей организации приспособлен главным образом для деятельности по проверке доказательств, а не их поиску.

В УПК РФ закреплены такие соответствующие принципу состязательности положения, как изложение обвинения (а потому и его выдвижение подсудимому) обвинителем, определение порядка исследования доказательств представляющими их сторонами, право суда задавать вопросы допрашиваемым лицам лишь после осуществления их допроса сторонами. Эти положения, отсутствовавшие в ранее действовавшем УПК РСФСР, где перечисленные действия неограниченно, в силу розыскных начал процесса, осуществлялись судом, призваны предотвратить угрозу подмены активностью суда активности заинтересованных участников процесса и соответственно нарушения их прав и законных интересов. Но особенно важны эти положения для предотвращения одностороннего, необъективного, а в известной мере и неполного исследования обстоятельств дела судом.

Так, при отсутствии отмеченных состязательных положений закона активность суда будет выражаться (как это и было в период действия УПК РСФСР) в инициативном планировании всего судебного следствия, оглашении обвинительного заключения, определении порядка исследования всех доказательств, задавании вопросов допрашиваемым лицам первым, собирании дополнительных доказательств. Все это суд будет вправе делать еще до того, как участники процесса, прежде всего, профессиональные участники, проявят активность путем заявления своих позиций и представления соответствующих доказательств. При подобной своей неограниченной активности еще до исследования всех возможных доказательств по делу суд легко может преждевременно «увлечься» лишь одной версией исследуемого события и в дальнейшем в силу психологических закономерностей (в частности, влияния неосознаваемых психических явлений) будет без должных оснований придерживаться её и игнорировать другие версии (особенно контрверсии). Как правило, такими преждевременно «увлекающими» версиями будут выступать версии обвинения, поскольку они лучше сформулированы в обвинительных заключениях и, «на первый взгляд», всегда лучше обоснованы в материалах поступивших в суд уголовных дел.

Конечно, опасность чрезмерного «увлечения» какой-либо одной версией с необоснованным (часто неосознанно) игнорированием противоречащих ей версий для суда существует и в случае проявления им соответствующей принципу состязательности активности в исследовании материалов дела уже по-

сле проявления (и даже исчерпания) своей активности сторонами обвинения и защиты. В этом случае суд проявляет так называемую субсидиарную (дополнительную) активность по отношению к активности сторон [21, с. 18; 22, с. 502]. Думается, важной гарантией предотвращения отмеченной опасности в данном случае является то, что изначально не суд выдвигает и обосновывает разнообразные версии относительно исследуемого события, а это делают несколько субъектов познания, как стороны обвинения, так и стороны защиты, приводя максимум аргументов (доказательств) в пользу своих версий. Один же субъект познания, даже если это суд, по психологическим причинам не способен искать и приводить максимум аргументов одновременно в пользу нескольких версий, как правило, взаимно противоречащих и исключающих друг друга.

Осуществляя субсидиарную активность, т.е. приступая к активному исследованию обстоятельств дела уже после приведения и обоснования сторонами своих позиций как по значению отдельных доказательств (например, задавая вопросы свидетелю после вопросов сторон), так и по делу в целом (например, по собственной инициативе назначая экспертизу при неясности из доказательств сторон отдельных обстоятельств дела), суд уже имеет перед собой сформулированные и в той или иной степени аргументированные версии исследуемого события. Уже имеющееся обоснование каждой из версий ставит барьер (имеющий и психологическую подоплеку) на пути «увлечения» суда одной версией с необоснованным (и неосознанным) игнорированием других версий. Ведь эти другие версии так же, как и наиболее «привлекательная» первая версия, уже в известной мере аргументированы, и проигнорировать (тем более, неосознанно) их нельзя, можно только обоснованно опровергнуть, а это уже адекватно стремлению к достижению объективной истины, а точнее, обеспечению достоверных выводов об обстоятельствах дела.

В целом, характерное для состязательного процесса ограничение активности суда (кроме случаев реагирования на допущенные сторонами нарушения закона) на период заявления и обоснования сторонами своих позиций обеспечивает направленность исследовательской деятельности суда изначально именно на проверку доказательств, уже представленных сторонами. В связи с приведенными рассуждениями уместно вспомнить адекватно отражающее значение принципа состязательности изречение древних: «в споре рождается истина». Игнорировать отмеченные, способствующие достижению объективной истины, а точнее, достоверных выводов суда об обстоятельствах дела свойства состязательного построения судебного следствия вряд ли будет разумно.

Таким образом, активность суда в исследовании материалов дела не должна мешать сторонам выдвигать и аргументировать свои версии относитель-

но исследуемого события, заявляя и обосновывая позиции по делу в целом и его частным моментам, а тем более подменять активность сторон. В то же время разумным и адекватным цели обеспечения достоверности выводов суда об обстоятельствах дела (понимаемой как «объективная истина») будет допущение последующей (субсидиарной) активности суда в исследовании обстоятельств дела. При этом полагаем возможным разрешить суду в ходе такой активности инициативно собирать дополнительные доказательства.

Думается, что для субсидиарной активности суда преувеличены опасения некоторых авторов о том, что суд, собирая дополнительные доказательства по собственной инициативе, рискует утратить объективность и начать выполнять функцию одной из сторон. Суждения о том, что доказательства «нейтральными не бывают», «по своей природе могут быть либо обвинительными, либо оправдательными, и суд, собирая их по своей инициативе, так или иначе автоматически становится на ту или иную сторону», впадает в «обвинительный» или «оправдательный» уклон [23, с. 16; 21, с. 24, 136; 20, с. 183–184; 24, с. 41, 48], не совсем верны.

Во-первых, не все доказательства изначально можно рассматривать как обвинительные и оправдательные. Такое деление весьма условно. Так, еще в советский период времени точно было замечено, что многие доказательства, особенно вначале производства по уголовному делу, выступают как нейтральные (например, доказательства времени и места совершения преступления) по отношению к доказыванию виновности обвиняемого, и их нельзя отнести к обвинительным или оправдательным [25, с. 372–373]. Лишь в последующем многие из этих доказательств могут интерпретироваться (это уже интерес сторон процесса) как обвинительные или оправдательные.

Во-вторых, при осуществлении субсидиарной активности суд, по общему правилу, связан не це-

лю доказывания обвинительного или оправдательного тезиса, а целью проверки уже представленных сторонами доказательств и соответствующих выдвинутых ими версий. Собираение же новых (дополнительных) доказательств – бесспорно допустимый и весьма эффективный способ проверки уже имеющихся доказательств, закрепленный в законе (ст. 87 УПК РФ).

Реальная угроза утраты судом объективности и беспристрастности возникает лишь в случае, если целью субсидиарной активности суда по собиранию доказательств становится восполнение пробелов в доказательственной деятельности (и материале) сторон, чаще всего в связи с ненадлежащим исполнением стороной своих обязанностей. Проблемы поиска вариантов устранения таких пробелов при сохранении объективности и беспристрастности суда выходят за рамки настоящей статьи, но интересные и с приведением аргументов предложения по их решению в литературе уже имеются [20, с. 186–187; 24, с. 90–109; 21, с. 154–167].

В целом, отстаивание крайних позиций по поставленному в названии настоящей статьи вопросу, т.е. как о необходимости сведения роли суда к пассивному наблюдению за исследованием доказательств сторонами, так и о допущении неограниченной активности суда в исследовании доказательств, нельзя признать целесообразным ни с теоретической, ни с практической точек зрения, что следует из приведенных выше критических суждений. Конструктивными представляются позиции тех авторов, которые, не отрицая стремления суда к достоверности своих выводов об обстоятельствах уголовного дела (понимаемых обычно как «объективная истина») и осознавая важность состязательности как средства (метода, приема, способа) познавательной деятельности на пути к этому, пытаются определить оптимальные пределы активности суда в исследовании доказательств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Уголовно-процессуальный кодекс* Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921.
2. *Уголовно-процессуальный кодекс* РСФСР. Утвержден Законом РСФСР от 27.10.1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. ст. 592.
3. *Карякин Е.А.* Теоретические и практические проблемы формирования истины по уголовному делу в суде первой инстанции. М.: Юрлитинформ, 2009. 296 с.
4. *Лазарева В.А.* Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголовное право. 2007. № 3. С. 98–102.
5. *Лушинская П.А.* Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 5–8.
6. *Михайловская И.Б.* Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 2–4.
7. *Лушинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М.: Юрист, 2006. 174 с.
8. *Михайловская И.Б.* Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М.: Проспект, 2006. 189 с.
9. *Кухта А.А.* К вопросу о стандарте судебной достоверности в виде «отсутствия разумных сомнений» // Российский судья. 2007. № 4. С. 18–20.
10. *Туленков Д.П.* Внутреннее убеждение как критерий истины в уголовном процессе // Российский судья. 2007. № 2. С. 29–32.
11. *Мезинов Д.А.* Необходимо ли закрепление понятия «объективная истина» в уголовно-процессуальном законе? // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2 (8). С. 82–94.

12. Дзюбенко А.А. О процессуальной самостоятельности суда как субъекта доказывания (взгляд практикующего юриста) // Российский судья. 2008. № 2. С. 26–28.
13. Зажицкий В.И. Истина и средства ее установления в УПК РФ: Теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2005. № 6. С. 67–74.
14. Ищенко Е.П. Какая истина нужна в уголовном судопроизводстве? // Уголовное судопроизводство. 2008. № 1. С. 23–30.
15. Орлов Ю. Принцип состязательности в уголовном процессе: значение и пределы действия // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 52–53.
16. Поляков М.П. Принцип чистой состязательности как источник проблем судебного следствия // Уголовное судопроизводство. 2007. № 1. С. 36–39.
17. Ларин А.М. О принципах уголовного процесса и гарантиях прав личности в УПК РФ // Российская юстиция. 1997. № 9. С. 9–11.
18. Божьев В.П. К вопросу о состязательности в российском уголовном процессе // Уголовное право. 2000. № 1. С. 47–55.
19. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / Н.М. Кипнис, Ю.В. Корневский, Е.Ю. Львова и др. / под ред. В.А. Власихина. М.: Юрист, 2000. 270 с.
20. Свиридов М.К. Установление истины и активность суда в состязательном уголовном процессе // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства: материалы науч.-практич. конф. (Томск, ТГУ, 29–31 января 2004 г.). Томск: Изд-во НТЛ, 2004. С. 183–187.
21. Плашевская А.А. Собираение судом доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России. Томск: Изд-во НТЛ, 2006. 204 с.
22. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов. 2-е изд. / под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2005. 697 с.
23. Конин В.В. Уголовно-процессуальная функция суда: краткий анализ содержания // Российский судья. 2008. № 4. С. 15–16.
24. Соколовская Н.С. Роль суда в состязании сторон по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: монография. Томск: Томс. гос. ун-т систем упр. и радиоэлектроники, 2006. 126 с.
25. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 472 с.

ON ACTIVENESS LIMITS OF COURT PARTICIPATION IN ADVERSARIAL INVESTIGATION UNDER THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Russian Journal of Criminal Law, 2014, no. 1(3), pp. 25–30.

Mezinov Dmitriy A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mez_da@mail.ru

Keywords: the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, adversarial system, judicial investigation, court activeness.

The article highlights the views of scientists expressed in the literature since the Criminal Procedure Code of the Russian Federation entered into force. The scientists assess the adversarial provisions of the judicial investigation enshrined in the Criminal Procedure Code with regard to their effect on the court activeness limits.

The author does not consider justified the view that the concept of “pure” (or “full”) competition in the national criminal procedural law, as this concept implies maximum court activity limitation and refusal from establishing the unimpeachable circumstances of the criminal case, which, according to the author, corresponds both to the interests of society and the state and to the rights and interests of the individual provided that the court and prosecutorial officials comply with the Criminal Procedure Act requirements.

However, the author disagrees with the inadmissibility of any restrictions of the court activity, when such restrictions are realized through the adversarial principle in the form it is implemented in the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Based on the analysis of the norms of this Code, the author concludes that its controversial provisions, particularly those governing judicial investigation, provide each of the parties interested in the outcome of the criminal case with real opportunities to express and defend their interests by the application and substantiation the respective positions in the criminal case. Thus, the participants in the process on the part of the prosecution and defense are encouraged to actively collect and present evidence in support of their positions. This also ensures the subsidiary activity of the court in studying the circumstances of the criminal case. It also enables the court to be pro-active in collecting evidence within certain limits. Finally, the adversarial provisions of the judicial investigation make up conditions to prevent unilateral, biased and incomplete examination of the criminal case by the court, which means that the court can reach valid conclusions about these circumstances.

REFERENCES

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18th December 2001. № 174-FZ. Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. № 52 (P. 1). Article 4921. (In Russian)
2. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RSFSR. Utverzhden Zakonom RSFSR ot 27.10.1960 g. [Criminal Procedure Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic. Approved by the Law of the RSFSR of 27th October 1960]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR*, 1960, no. 40, p. 592.
3. Karyakin E.A. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy formirovaniya istiny po ugovnomu delu v sude pervoy instantsii* [Theoretical and practical problems of formation of the truth in a criminal case in the court of first instance]. Moscow, YurLitinform Publ., 2009. 296 p.

4. Lazareva V.A. Sostyazatel'nost' i dokazyvanie v ugovnom protsesse [Adversarial system and proof by evidence in the criminal process]. *Ugovnoe pravo*, 2007, no. 3, pp. 98–102.
5. Lupinskaya P.A. Dokazatel'stva i dokazyvanie v novom ugovnom protsesse [Evidence and proof by evidence in the criminal process]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2002, no. 7, pp. 5–8.
6. Mikhaylovskaya I.B. Prava lichnosti – novyy prioritet Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Individual rights – a new priority of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2002, no. 7, pp. 2–4.
7. Lupinskaya P.A. *Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo i praktika* [Decisions in criminal justice: theory, law and practice]. Moscow, Yurist Publ., 2006. 174 p.
8. Mikhaylovskaya I.B. Nastol'naya kniga sud'i po dokazyvaniyu v ugovnom protsesse [A Handbook of the Judge on proof in criminal proceedings]. Moscow, Prospekt Publ., 2006. 189 p.
9. Kukhta A.A. K voprosu o standarte sudebnoy dostovernosti v vide “otsutstviya razumnykh somneniy” [On the judicial standard of reliability in the form of “no reasonable doubt”]. *Rossiyskiy sud'ya*, 2007, no. 4, pp. 18–20.
10. Tulenkov D.P. Vnutrennee ubezhdenie kak kriteriy istiny v ugovnom protsesse [Inner conviction as the criterion of truth in criminal proceedings]. *Rossiyskiy sud'ya*, 2007, no. 2, pp. 29–32.
11. Mezinov D.A. Is it necessary to secure the notion “objective truth” in the criminal procedural law? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*, 2013, № 2 (8), pp. 82–94. (In Russian)
12. Dzyubenko A.A. O protsessual'noy samostoyatel'nosti suda kak sub'yekta dokazyvaniya (vzglyad praktikuyushchego yurista) [On the procedural independence of the court as the subject of (the view of a practicing lawyer)]. *Rossiyskiy sud'ya*, 2008, no. 2, pp. 26–28.
13. Zazhitskiy V.I. The truth and means of its establishment in the Criminal and Procedural Code of the Russian Federation: theoretical and legal analysis. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*, 2005, no. 6, pp. 67–74. (In Russian)
14. Ishchenko E.P. Kakaya istina nuzhna v ugovnom sudoproizvodstve? [What truth is needed in criminal proceedings?]. *Ugovnoe sudoproizvodstvo*, 2008, no. 1, pp. 23–30.
15. Orlov Yu. Printsip sostyazatel'nosti v ugovnom protsesse: znachenie i predely deystviya [Adversarial principle in criminal proceedings: the meaning and limits of action]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2004, no. 2, pp. 52–53.
16. Polyakov M.P. Printsip chistoy sostyazatel'nosti kak istochnik problem sudebnogo sledstviya [Pure adversarial principle as a source of problems in judicial investigation]. *Ugovnoe sudoproizvodstvo*, 2007, no. 1, pp. 36–39.
17. Larin A.M. O printsipakh ugovnogo protsessa i garantiyakh prav lichnosti v UPK RF [On the principles of the criminal process and guarantees of individual rights in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 1997, no. 9, pp. 9–11.
18. Bozh'ev V.P. K voprosu o sostyazatel'nosti v rossiyskom ugovnom protsesse [On the adversarial principle in the Russian criminal process]. *Ugovnoe pravo*, 2000, no. 1, pp. 47–55.
19. Kipnis N.M., Korenevskiy Yu.V., L'vova E.Yu., Nasonov S.A., Ringler S. *Dokazyvanie v ugovnom protsesse: traditsii i sovremennost'* [Proof of evidence in criminal proceedings: tradition and modernity]. Moscow, Yurist Publ., 2000. 270 p.
20. Sviridov M.K. [The truth and the activity of the court in an adversarial criminal trial]. *Problemy teorii i praktiki ugovnogo protsessa, prokurorskogo nadzora i pravookhranitel'noy deyatel'nosti v svete novogo rossiyskogo zakonodatel'stva: materialy nauchn.-prakt. konf.* [Proc. of the research conf. “Problems of the theory and practice of the criminal process, prosecutorial supervision and law enforcement in the context of the new Russian legislation”]. Tomsk, NTL Publ., 2004, pp. 183–187. (In Russian)
21. Plashevskaya A.A. *Sobiranie sudom dokazatel'stv pri rassmotrenii dela po pervoy instantsii v ugovnom protsesse Rossii* [Collecting evidence in the court of first instance in Russian criminal proceedings]. Tomsk, NTL Publ., 2006. 204 p.
22. Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. *Ugovnyy protsess* [The criminal process]. St. Petersburg: Piter Publ., 2005. 697 p.
23. Konin V.V. *Ugolovno-protsessual'naya funktsiya suda: kratkiy analiz sodержaniya* [The criminal procedure function of the court: a brief analysis of the content]. *Rossiyskiy sud'ya*, 2008, no. 4, pp. 15–16.
24. Sokolovskaya N.S. *Rol' suda v sostyazanii storon po ugovno-protsessual'nomu zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii* [The role of the court in the argument of the parties under the criminal procedural legislation of the Russian Federation]. Tomsk, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics Publ., 2006. 126 p.
25. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa* [The course of Soviet criminal procedure]. Moscow, Nauka Publ., 1968. Vol. 1, 472 p.